

НИНА
ЛИНДТ

ГОВОРЯЩАЯ
С ПРИЗРАКАМИ

1

ИНЫЕ ГОРОДА

Нина Линдт
Говорящая с призраками.
Иные города
Серия «Говорящая с
призраками», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374437*

Аннотация

Работать бок о бок с вампиром и оборотнем? Влюбиться в демона? Ходить на шоппинг с ангелом? Пожать руку призраку? Легко, если ты – **ГОВОРЯЩАЯ С ПРИЗРАКАМИ!**

Тот неловкий момент, когда ты едешь в Барселону на курсы языка, совершенно случайно попадаешь на работу в детективное агентство, встречаешь демона, узнаешь про темное прошлое ангела, количество жизней ведьмы, наблюдаешь за романом между вампиром и человеком и... приобретаешь навык общения с призраками.

Содержание

Часть 1. Барселона	4
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Нина Линдт

Говорящая с призраками.

Иные города

*И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.*

М.Ю. Лермонтов «Демон»

Часть 1. Барселона

Из дневника Насти:

«Когда самолет начал снижаться, а капитан объявил, что через двадцать минут мы приземлимся в аэропорту Барселоны, я разрывалась между ликованием по поводу того, что у меня начинается независимая жизнь и учеба в прекрасном городе, и страхом, потому что будущее терялось в неизвестности, в плотном тумане из сомнений и вопросов.

А если я не смогу прожить и недели без родных, буду реветь от одиночества и проситься домой? А если мне понравится, получится ли найти работу и остаться учиться после этих шести месяцев дальше, хоть на год? Смогу ли я говорить на испанском свободно,

не запинаясь, не подыскивая слова, а по возвращении из Испании больше не завидовать легкости, с которой болтала на испанском моя подруга Аня? А вдруг этот город готовит для меня встречу с прекрасным принцем, любовь и романтику? Вдруг в моей жизни вот-вот случится судьбоносная встреча, которая меняет даже воздух вокруг, делая его слаще и прозрачнее?

Но город, раскинувшийся под крылом самолета, не спешил делиться своими планами в отношении меня. Он раскрывал мне объѣтыя побережья, но не торопился рассказывать про те испытания, что готовил мне. Было страшно? Да. Было радостно? Вне всяких сомнений. И сейчас, пока я делаю эту запись накануне Рождества, мне тоже страшно и радостно. Но уже иначе, чем было в тот день. Теперь все иначе. Иногда мне хочется вернуться в тот день, когда страх был таким мелким, когда счастье было таким простым».

Когда вещи были распакованы и кое-как разложены, Настя решила прогуляться по Пасео де Грасия, отметить в одиночестве свой приезд в Испанию и подумать, что бы такого приготовить для ребят, с которыми она теперь будет жить в квартире. Квартира с большой общей гостиной была трехкомнатной, и помимо нее, по словам хозяйки, там жили студенты: швед и японка. Но ребят Настя в квартире не застала, видимо, они были на учебе.

Прогуливаясь по Пасео де Грасия, улице, полной магазинов, кафе и туристов, Настя прикидывала, как скоро смо-

жет найти хоть какую-нибудь подработку. Время для этого и страну она, конечно, выбрала неподходящие. Вокруг все только и говорили, что про кризис, безработицу среди половины молодого населения и прочие вещи, которые лишали надежды с самого начала. Но все же попытаться стоило. И она зашла в парочку магазинов, записала адреса и названия встретившихся ей отелей, присмотрела бары и кафешки, чтобы занести туда свое резюме.

И после долгой прогулки села в кафе напротив дома Батло, подмигивавшего ей своими балконами-масками, заказала круссан и кофе. Осеннее солнце ласково гладило своими лучами пшеничного цвета волосы, которые ветер слегка приподнимал и кружил... Было так хорошо! На углу улицы стояла лавочка, возле которой пожилой человек, перепачканный углем, жарил на очаге каштаны и бониато – сладкий корнеплод оранжевого цвета, который в Латинской Америке называют бататом.

Настя подумала, что после кафе подойдет и купит немного каштанов. Ведь это вкус барселонской осени. И она счастливо улыбнулась теплему солнышку.

Но спустя мгновение краем глаза Настя заметила маленькую тень, мелькнувшую рядом с ее столиком, а в следующую долю секунды увидела мальчишку в поношенной одежде, который спокойно, не торопясь, уходил прочь с ее кошельком.

– Эй!!! – от удивления Настя лишилась дара речи и забыла все испанские слова. Она быстро вскочила и, подбе-

жав к мальчику, схватила его за шкуру, мысленно благодаря судьбу за то, что наглый воришка даже не попытался убежать, иначе она никогда бы не догнала его. Мальчишка сам онемел от удивления, испуганно глядя на нее.

– Что ты делаешь? Что ты делаешь?! – только и смогла сказать Настя, выдергивая у мальчишки свой кошелек. От удивления тот даже не сопротивлялся, даже как-то обмяк от шока.

Настя сама была потрясена. Кровь стучала в висках, ей хотелось наорать на мальчишку, даже ударить его, но облегчение от того, что кошелек опять оказался у нее, смягчило этот адреналиновый взрыв. Воришка легко вырвался и побежал. Настя медленным шагом вернулась к своему столику. Оглядевшись, она поняла, что на нее все смотрят. Странно и даже с подозрением. Это ее разозлило. Что такого плохого в том, что она спасла свои деньги от наглого вора?

«Чертова толерантность!» – хотелось ей крикнуть в ответ на осуждающие взгляды.

Она опустила глаза и допивала свой кофе без удовольствия, торопясь уйти поскорее от этой публики. Ощущение, что на нее смотрят, что ее провожают взглядом, что даже следуют за ней, не покидало ее еще долго. Настя прошла мимо лотка с каштанами, не купив их, спустилась в метро и поехала домой. Происшествие с мальчишкой лишило ее сил и энергии. Она чувствовала себя уставшей и грустной.

Зайдя в дом, Настя почувствовала запах вкусного обеда

и вспомнила, что так ничего и не купила для того, чтобы познакомиться с ребятами. Взбежав по лестнице на свой этаж, она открыла дверь квартиры и задохнулась от вкусного и ароматного запаха еды, который шел именно отсюда. Красивый белобрысый парень с широкими плечами, в очках и в майке футбольного клуба Барселоны махнул ей в качестве приветствия половником.

– Мартин.

– Юка, – представилась маленькая и симпатичная японка, перемешивающая рис в большой миске на столе.

– Настя, – рассеянно ответила она и еще раз их рассмотрела. Ребята представляли собой ярчайший пример противоположностей, такой, что голова кружилась.

– Мы решили тебе сделать приветственный обед, а то ты, наверно, еще не знаешь, где здесь магазины, – сказал Мартин.

– Не знаю, – уныло подтвердила Настя.

– Тогда накрывай на стол, как раз поймешь, что где лежит.

Через полчаса они сидели втроем и весело болтали, словно всю жизнь были знакомы. Юка жила в этой квартире уже два года, училась в университете на биолога. Мартин приехал в прошлом году, он учился на мультипликатора. Настя немного рассказала о себе, о курсах, на которые записалась.

– Жаль, что ты ненадолго, нам все время не хватает третьего человека. Есть еще четвертая комната, но ее наверняка никто не снимет: узкая, как пенал, а окно выходит на лест-

ничную площадку. Мы там храним всякие вещи. Я – палатку и велосипед, а Юка – спортивный инвентарь.

– Я, может, останусь, – подмигнула Настя. – Главное найти работу и закончить курсы, а дальше я что-нибудь придумаю.

– Найти работу сейчас сложно, – Юка покачала головой. – Я подрабатываю преподаванием японского.

– А я работаю от заказа до заказа, – сказал Мартин.

– Ну, я даже на продавщицу согласна, – ответила Настя, – лишь бы что-то делать.

После обеда они разошлись: Настя отправилась разносить резюме по барам, магазинам и отелям, а ребята занялись работой.

Где-то ее резюме даже не брали, качая головой, словно жалея сумасшедшую девчонку, которая так отчаянно искала работу. Где-то листочек, который она протягивала, брали, но она видела по выражению лиц, что он отправится вскоре в мусорное ведро. Но Настя не теряла надежды. В конце концов она вновь вышла на Пасео де Грасия и двинулась по своему утреннему маршруту. В одном баре надежда загорелась сильнее: бармен взял ее резюме и сказал, что передаст его хозяину, им не помешал бы человек со знанием русского языка. После этого бара Настя прошла пару кварталов в приподнятом настроении, но его испортило окончательно то, что все остальные ей просто отказывали. И с такими лицами, будто она попрошайничать пришла, а не искать работу. Дойдя до угла очередного дома, Настя остановилась в сто-

роне от толпы туристов, ждущих зеленый сигнал светофора. Похоже, все будет совсем непросто. Ей нужно запастись терпением... ведь не всегда все получается сразу. Но отчаяние уже поселилось в душе. Разглядывая счастливых и беззаботных туристов, гуляющих по улицам, Настя заметила на другой стороне улочки, пересекающей Пасео де Грасия, три столика: похоже, здесь тоже было кафе... Но какое маленькое... Совсем не туристическое. Мгновение она колебалась: стоит ли заходить, ведь если ее не захотели слушать в больших кафе, где всегда нужны люди, станут ли слушать в таком маленьком, где один официант запросто может обслужить все столики? Но, вопреки сомнениям, решила попробовать.

В кафе вела узкая коричневая дверь, которая, казалось, пыталась оставаться незаметной на фоне ярких витрин магазинов. Настя вошла и оказалась в небольшом зале, с одним большим окном-витриной в деревянной раме, которое находилось рядом с дверью. С улицы было не очень хорошо видно, что внутри тоже стоят столики. Темная барная стойка, небольшой выбор выпечки, кофе-машина, жестяные баночки с чаем... Этой кофейне лучше бы находиться на тихой и спокойной улочке, сюда должны заходить только постоянные посетители, а на углу оживленного Пасео де Грасия она казалась уютной лодочкой, потерянно плывущей среди гигантских круизных лайнеров.

Навстречу Насте вышел пожилой сеньор в штанах на подтяжках и клетчатой рубашке.

– Добрый день... Я ищу работу... – Настя начала говорить хорошо выученную от многочисленных повторений речь, но запнулась. Странно было говорить о работе, когда в кафе сидело всего три человека. Она даже сделала шаг назад, раскаявшись в том, что переступила порог этого заведения.

– Работа – это хорошо, – кивнул сеньор. Протянул Насте руку: – Я – Пепе.

– Привет, Пепе, я Настя, – пробормотала она в ответ, делая еще шаг назад.

– Ты садись, – Пепе пригласил ее жестом за столик.

Настя покраснела до кончиков волос: ее не так поняли.

– Я не... – начала было она, но Пепе уже отодвинул стул, приглашая ее сесть. И Настя послушно села, а потом устало положила стопку резюме на стол. И подумала, что кофе ей не помешает.

– С молоком? – спросил Пепе из-за барной стойки.

– Да, пожалуйста, – веселее откликнулась Настя.

– Горячим или теплым?

– Горячим, – не скрывая удивления, ответила она. Никто не спрашивал у нее прежде такие детали.

Кофе появился перед ней через мгновение, ароматный и манящий.

Пепе сел напротив, взял сверху стопки ее резюме и стал читать. А Настя погрузилась в запах кофе, вместе с которым пришли на ум картинки знойных стран, терпкие южные вечера и горячие губы темноволосого красавца... Вздвогнув,

она отогнала этот образ прочь. Пепе глянул на нее из-под очков и снова уткнулся в резюме. Судя по движениям, с которыми он готовил кофе, надевал очки и читал, Пепе никогда и никуда не торопился. Наблюдая за ним, Настя почувствовала, как на нее нисходит спокойствие и умиротворение.

– Ну, хорошо... – Пепе отложил ее резюме в сторону. – Ты работала когда-нибудь в кафе?

Настя помотала головой.

– А кофе готовила?

Настя опустила взгляд, вспомнив, как на первой работе в Москве, когда она устроилась секретарем со знанием английского языка в международную фирму, шеф попросил ее подать на совещание кофе. На совещании было восемь человек. Настя до этого никогда не готовила кофе, даже не знала, как обращаться с кофеваркой. На ее счастье, нашлась инструкция к кофеварке, девушка в спешке пробежала инструкцию глазами и бросилась засыпать трясущимися от волнения руками две мерные ложечки кофе, как было указано в тексте. Кофе вышел подозрительно светлым. Но Настя так спешила его принести в зал для совещаний, что только в тот момент, когда стала разливать кофе по чашкам, поняла, что инструкция описывала приготовление порции на одного человека, а она приготовила на восемь. Но отступить было поздно. С непроницаемым лицом она разлила всем кофе по чашкам. Шеф проводил ее изумленным взглядом и на последующие совещания просил приносить только воду.

Это был первый и последний ее опыт работы с кофеварками, и Настя с удивлением поняла, что рассказывает эту историю Пепе. Пепе рассмеялся и, встав из-за стола, поманил за собой Настю.

– Варить кофе – это целое искусство. Великий французский министр-интриган Талейран сказал как-то, что кофе должен быть горячим как ад, черным как черт, чистым как ангел и сладким как любовь... Всякий раз, когда готовишь его, надо думать о приятном. О любви, о ярких цветах, о восточной музыке или красивой женщине. В твоем случае, пожалуй, вернее сказать, о мужчине.

Настя кивнула, вспомнив видение со смуглым красавцем. Руки Пепе колдовали над кофе-машиной, сыпали кофе, отливали молоко, взбивали пену. Запах горячего напитка сводил с ума. Настя никогда особо не любила его, но в этом маленьком баре с единственным мутным окном вдруг поняла, что влюбляется. От этого и от понимания, что ее берут на работу, сердце билось так сильно и гулко, что приходилось делать усилие, чтобы слушать инструкции Пепе.

В тот день она осталась в кафе допоздна, смотрела, училась, наблюдала. Пепе не мог предложить ей хорошую зарплату, но на данный момент это было неважно, к тому же он был готов отпускать ее на время занятий, так что в основном работать нужно будет по утрам.

Вечером она захлеб рассказывала Юке и Мартину, сколько всяких премудростей необходимо для овладения

мастерством приготовления настоящего кофе.

– Я буду готовить вам его с утра, ведь мы уходим в одно и то же время, – закончила она рассказ. Юка радостно подбросила подушку, Мартин улыбнулся.

На следующее утро по дороге к кафе Настя встретила Пепе. Он нес большие картонные коробки, из которых по всей улице распространялось теплое и сладкое дыхание выпечки.

– Доброе утро, Пепе, – сказала Настя, обгоняя его, – как только на вас не нападают по утрам: от коробок пахнет так, что хочется тут же слопать все булочки!

Пепе засмеялся и кивнул Насте на карман своего пиджака.

– Достань ключи.

Настя залезла в клетчатый пиджак и нащупала там связку ключей.

– Самый длинный, – подсказал Пепе.

Ключи были старинными, даже слегка ржавыми. Настя вставила самый большой из них в замок и неуверенно повернула. Дверь открылась на удивление легко, кафе встретило их прохладным полумраком. Снаружи ярко светило утреннее солнце и небо было светло-синим, а здесь, казалось, время останавливало свой ход, чтобы позволить посетителям расслабиться и погрузиться в кофейные фантазии. Весь интерьер был выполнен в темно-коричневом цвете, что только усиливало полумрак, а современная техника прекрасно сочеталась со старой мебелью, словно границ времени в этом месте не существовало.

Они очень хорошо справлялись вдвоем: Настя разносила заказы, а Пепе делал кофе, чай и варил горячий шоколад в странной турке.

Утром в кафе оказалось довольно много посетителей. Они заходили сонными, грустными, недовольными оттого, что впереди рабочий день, а выходили бодрыми, радостными и с такими мечтательными улыбками, будто им не терпелось поскорее приняться за дело.

– Пепе, мне кажется, ты волшебник, – задумчиво сказала Настя, присаживаясь на стул у бара в ожидании, когда Пепе сделает кофе. В их работе возникла небольшая пауза, и они решили перекусить.

– Это почему? – удивился Пепе. Но в глазах его плясали искорки смеха.

– Потому что люди после твоего кофе преобразаются.

– Смотри, не превратись в лягушку, – Пепе протянул ей чашечку капучино.

Настя подвинула к себе чашку, чувствуя спиной, как открылась дверь кафе, пропуская очередного посетителя.

Пепе бросил взгляд на посетителя и поставил перед Настей круассан.

– Ешь, я сам приму заказ.

Полуобернувшись у стойки, Настя наблюдала, как Пепе подошел к посетителю. Тот был невысокого роста, пожилой, одетый в коричневый плащ, сливавшийся со всей обстановкой кафе. Небольшие залысины на седой голове делали лоб

выше, оттого лицо мужчины казалось благороднее. Чем-то он напомнил ей бюст Цезаря, который печатали во всех учебниках истории. Пепе и незнакомец тепло поприветствовали друг друга, мужчина сел за столик у окна, его заказ состоял из двух слов: «Как всегда».

Пепе кивнул, прошел к бару, выложил на блюдечко бутерброд с хамоном и сделал крепкий кофе без молока. Поставив все это перед посетителем, Пепе вернулся к Насте. После завтрака она принесла посетителю в коричневом плаще счет. Тот, не глядя, достал из кармана небольшой мешочек и положил его на тарелочку со счетом. Встал, взял со столика газету, которую читал, и вышел из кафе. Настя взяла мешочек в руку. Он был тяжелым.

– Смотри, Пепе, – она протянула открытый мешочек шефу. – Тут же пятицентовые монетки!

– Знаю, это постоянный посетитель. Вот уже два года он расплачивается только так, – кивнул Пепе.

– Но почему?

– Не знаю. Но так как это все равно деньги, я принимаю платеж и обмениваю потом накопившиеся монеты в банке.

– И он что... всегда, каждое утро платит пятицентовыми монетами?!

Пепе усмехнулся:

– Сама увидишь.

Так оно и было. Загадочный посетитель приходил каждое утро в одно и то же время, в одном и том же плаще, заказыва-

вал один и тот же завтрак и, расплачиваясь очередным мешочком с монетами, растворялся в толпе Пасео де Грасия.

Вскоре Настя уже изнывала от любопытства. Что же это за человек такой? Почему он расплачивается таким странным образом? Почему день за днем ходит в кафе завтракать? На занятиях она часто, сама того не замечая, отвлекалась, задумчиво рисуя пятицентовую монетку. А по утрам в кафе то и дело поглядывала на дверь, чтобы увидеть его приближение.

Однажды утром она отпросилась у Пепе, сказав, что ей нужно уйти сразу после девяти, времени, когда появлялся загадочный клиент. Едва он вошел, она попрощалась с Пепе, надела куртку и вышла. Но далеко не ушла, а стояла невдалеке и ждала, когда посетитель расплатится за завтрак. Если честно, точного плана у Насти не было. Ей просто нужно было убедиться, что он не исчезает сразу, переступив порог, что существует в самом деле, а не только в пространстве кафе, что помимо этого места идет куда-то еще, делает что-то еще, говорит что-то еще, кроме традиционного обмена приветствиями с Пепе. И была еще одна деталь, которая Настю очень интриговала: казалось, он не замечал ее присутствия. Ни разу не сказал ей ничего, кроме «как всегда» и «спасибо». В то время, как другие постоянные посетители тут же замечали ее, иностранку, расспрашивали и общались практически каждый день.

Дверь кафе открылась, и появился тот, кого она ждала.

Мужчина пошел в сторону Насти, полы его пальто развева-лись от шага, в руке он держал газету. Лицо его было непро-ницаемым, словно каменным. Еще раз пришло Насте в голо-ву сравнение со скульптурным бюстом. Она нырнула в апте-ку, а когда незнакомец прошел мимо нее, то торопливо вы-скочила следом, боясь упустить его из вида.

Из дневника Насти:

«Я двигалась за ним на небольшом расстоянии, боялась потерять его и в то же время опасалась, что он заметит ме-ня. Не понимаю, чего я боялась, ведь на самом деле я не со-вершала ничего такого ужасного. Но всякий раз, когда че-ловек в коричневом плаще останавливался или поворачивал за угол, у меня замирало от страха сердце. Я уже потеряла дорогу, настолько была увлечена спиной впереди, что совер-шенно не представляла, где мы находимся. Потом я была готова даже взять такси, если заблужусь, но твердо решила, что, насколько это возможно, узнаю об этом человеке что-нибудь еще. Любопытство не совсем свойственное мне ка-чество, поэтому я удивлялась собственной настойчивости, с которой шла за незнакомцем.

Он наконец остановился на тихой улочке, так что при-шлось остаться на углу. Затаив дыхание, я наблюдала за тем, как он берется за дверь подъезда и тянет на себя. Голубая дверь скрыла его от меня на мгновение. И закрылась, про-глотив его. Я подошла. На двери не было никакой надписи

или таблички, не было и домофона для квартир с указанием фамилий жильцов, как это часто бывает в Барселоне. Я взялась за ручку и потянула на себя. Она легко открылась. Сразу передо мной начиналась лестница наверх. Я прислушалась. Шаги мужчины раздавались где-то высоко.

Меня что-то будто подтолкнуло в подъезд, я вошла, прикрыла за собой дверь и, набравшись решимости, стала подниматься по лестнице. Подъезд был обшарпанным, но не грязным. На ступеньках стояли большие погашенные свечи, некоторые так оплавилась, что свисали вниз небольшими восковыми сталактитами. Повертев головой, я не обнаружила ни одной лампы. Тусклый свет пробивался сквозь узкие пыльные оконца пролетов. А ночью тут, должно быть, совсем темно...

На первом лестничном пролете я не увидела ни одной двери в квартиру, зато на стене красовалось яркое граффити: большой и темный пес открывал белозубую пасть и заглядывал ярко-желтую луну. На фоне синего неба позади пса чернели дома и устремлялся ввысь корявыми пальцами Собор Святого Семейства. Я поднялась на следующий пролет. Здесь граффити не было, вместо этого стоял мольберт и на нем – женский портрет в золоченой раме. Было слишком темно, чтобы разглядеть картину как следует, но я подумала, что на обратном пути можно поднести к портрету телефон.

Я поднималась все выше, понимая, что, видимо, забралась в частный дом, да еще немного заброшенный, и думала

ла, что, наверно, здесь живет одинокий художник (граффити и портрет), которому нечем платить за свет и домофон (открытая дверь и отсутствие электрического света на лестнице). Я уже собиралась поворачивать обратно: шаги давно стихли, а значит, он зашел в свою студию или квартиру. Что я буду делать у закрытой двери? Что ж, потопчусь, полюбопытствую и спущусь тихонько обратно. А может, дверь будет приоткрыта, и я смогу узнать еще что-нибудь о посетителе кафе, который расплачивается монетками. А может... может, он тут не живет, а у него целый склад монеток? И он ходит пополнять запасы? Мысль показалась такой забавной, что я улыбнулась и дошла до следующего пролета. И тут тревога заколотилась во мне с новой силой. Если было страшновато входить в дом и подниматься до первого пролета, то сейчас мое состояние можно было бы описать как ужас. Причиной послужила мозаика, выложенная на площадке. На ней была изображена страшная голова Медузы Горгоны, искаженное от бессильной ярости лицо, черные, затягивающие глаза, клубок змей вместо волос. Она смотрела прямо на меня. Потребовалось усилие воли, чтобы перестать в ужасе пялиться на нее и отвести взгляд. И тут же стало легче.

Заранее „предвкушая“ встречу с ней по дороге назад, я обошла мозаику по краю, словно изображенные змеи могли меня ужалить. И с облегчением увидела, что лестница, ведущая вверх, заканчивается на следующем этаже. Я пришла. Теперь надо решить, стоит ли подниматься? А вдруг этот че-

ловек заметил слезку и теперь ждет меня там с дубинкой в руках? А вдруг он что-нибудь мне сделает, и никто в целом свете не узнает, где я. Надо было посмотреть хотя бы название улицы и отправить Юке. На всякий случай. Но раз уж я зашла так далеко, что проследила за ним и поднялась по лестнице, то отступить было бы смешно. Тем более, что позади осталась эта ужасная Горгона. И я стала подниматься по ступенькам.

Я ожидала чего угодно: закрытой и безликой двери, старой и обшарпанной двери, приоткрытой сломанной двери, стайки маньяков, поджидающей меня, или испуганного посетителя, поджидающего маньячку, преследующую его от кафе, в общем... что угодно, только не новенькую светло-коричневую полированную дверь с золоченой ручкой и красивой табличкой, на которой было написано: „Детективное агентство“. Это было... неожиданно. Застыв от изумления, я в полной тишине раз за разом перечитывала эти два слова. Детективное агентство??? В заброшенном доме, где зажигают свечи на лестницах? Где на каждом пролете художественные произведения? Где на подъезде нет вообще никакого упоминания об этом заведении?! И тут же заработало любопытство: так наш посетитель работает здесь или является клиентом? Может, он пришел сюда впервые? Что за работу выполняют для него детективы? Чем вообще может заниматься детективное агентство? Слежкой

за неверными мужьями или женами? Вопросы возникали один за другим, а я тупо созерцала надпись на двери. Агентство... Значит, там, за этой дверью, так нелепо смотрящейся в этом доме, может быть обычный офис? С паркетом или ковролином на полу, приемной с улыбочивой секретаршей? Может быть, там даже звучит легкая фоновая музыка? а на журнальном столике лежат газеты и журналы? Это казалось невозможным.

Дверь манила меня, обещая ответы на все вопросы. Стоило только нажать на звонок, как послышится жужжание, дверной замок щелкнет, и я попаду в это детективное агентство. А что дальше?

Я начала ломать голову над возможной причиной визита в такое заведение. Что бы такое придумать, чтобы можно было осмотреть это заведение хотя бы из приемной? Представиться клиенткой? любопытствующей дамочкой? Может, сказать, что рядом открылось кафе и предлагает всем, кто живет или работает поблизости, прекрасные бутерброды с хамоном и кофе за два евро? Но у меня с собой нет никаких листовок... Мысль о листовке подсказала решение: в моей сумке еще лежала пара экземпляров резюме! Я зайду туда и скажу, что всегда мечтала работать в детективном агентстве! Пусть даже мне сразу откажут, но зато я погляжу, что там, за этой неуместной дверью.

Набравшись решимости, я нажала на кнопку звонка.

Дверь отворилась внутрь. Я заглянула и нерешительно вошла. Обстановка была действительно офисной, почти такой, как я представляла, только освещение было не ярким, а приглушенным, а вместо потолка оказался подсвеченный голубоватым светом аквариум, в котором плавали яркие рыбы разных цветов и размеров. Ощущение нереальности происходящего переходило все границы. За полукруглой стойкой сидела блондинка, ее длинные волосы были уложены в туго закрученные спиральки, пружинящие при каждом движении. Она подняла голову и смерила меня любопытным взглядом. Я не успела и рта раскрыть, как она показала мне на коридор:

– Проходите, вас ждут.

Я обрадовалась представившейся возможности осмотреться и двинулась не спеша по коридору. Но, к моему глубокому разочарованию, все двери кабинетов были закрыты, за ними раздавались звуки, шаги, приглушенные голоса, но разобрать ничего нельзя было. Так я прошла около пяти дверей и наконец увидела, что одна из них приоткрыта.

Зал был небольшим, с окном на всю стену с видом на город, на потолке продолжался аквариум, который я считала за вмонтированный в потолок экран, ведь невозможно было бы содержать этот аквариум, если бы он был настоящим. В пустом зале стоял стул. Один. Посередине. Похоже на до-

просную комнату...

Ерунда какая-то. Я развернулась, прошла обратно по коридору и, на ходу буркнув „до свиданья“ секретарше, хотела выйти, но твердый и строгий, как у директора, голос сказал.

– Анастасия, подождите!

Я повернулась. Удивление от того, что мое имя прозвучало здесь, что пока я шла туда и обратно по коридору, им удалось выяснить, как меня зовут, смешалось с некоторым страхом, когда я увидела, что меня окликнул человек, за которым я следила все утро. Сейчас он был, правда, без плаща, в тщательно отглаженных серых брюках и вязанной безрукавке поверх рубашки, но его лицо оставалось все таким же непроницаемо каменным, как у Цезаря. Видимо, страх отразился на моем лице, поэтому он поспешил добавить более мягко:

– Не волнуйтесь, я давно вас жду. Пройдем?

Жестом он пригласил меня обратно в коридор, я увидела, что ближайшая к нам дверь приоткрыта. Больше всего на свете я хотела оказаться в три прыжка у входной двери, сбежать по лестнице, не обращая внимания на Горгону, выскочить на улицу и еще долго бежать по ней, задыхаясь от холодного воздуха. Аквариум над головой вдруг показался тяжелым, словно вся глубина моря была над нами, бесконечная и давящая, а мы, сидя в стеклянном куполе на глубине Марианской впадины, пытались играть в офис. Но то же не свой-

ственное мне любопытство, которое начало развиваться после первого моего рабочего дня в кафе, остановило паническое желание отступить.

Я бросила взгляд на секретаршу: та делала вид, что смотрела на экран компьютера, но было заметно, как она напряженно вслушивается в тишину, возникшую между нами.

– Откуда вам известно мое имя? – спросила я.

– Так как я давно жду вас, у меня было время навести справки, – ответил мой объект слежки. – Пойдемте, я все объясню.

Нерешительно я последовала за ним, с каждым шагом чувствуя себя уверенней. Ну, не съедят же меня, в самом деле! Если что, я извинюсь за слезку. Вот и все.

Кабинет оказался очень уютным, с окном на улицу, с прекрасным видом на город. Видимо, этот дом был выше соседних, поскольку они совсем не заслоняли вид. Блики от воды в аквариуме приятно скользили по старинному письменному столу, на котором не было компьютера, зато стояла стопка книг. Позади стола всю стену занимал книжный шкаф, заставленный книгами в кожаных переплетах. Обстановка словно приглашала взять книгу с полки, сесть на небольшой кожаный диван, на котором красиво лежал уютный плед, и погрузиться в чтение, время от времени отрываясь от страниц и бросая взгляды на голубое небо над Барселоной.

– Вам нравится, – скорее утвердительно, чем вопроси-

тельно сказал объект моей слежки. Затем спохватился: – Да, я же совсем забыл представиться. Меня зовут Чезаре, но меня все называют Цезарем.

– Мммм... АААаа... очень приятно, – я замялась, вспоминая слова, поскольку совпадение моих фантазий с реальным именем ошарашило.

– Настя, вы хотели бы у нас работать? – огорошил меня еще раз Цезарь.

Чтобы в очередной раз избежать мычания, я тупо уставилась на него.

– В каком смысле? – наконец смогла произнести я после долгой и эффектной паузы, в продолжение которой пыталась угадать, что скрывает непроницаемое, как камень, лицо моего собеседника.

– В смысле работать в детективном агентстве.

– Но я не детектив.

– Все мы когда-то начинали как любители. Вас обучат всему мои сотрудники.

– Но почему я?

– Любопытство, Настя. Твое любопытство. Я давно жду человека, который отважился бы поискать причину моих чудачеств с монетами. Но ни в одном из мест, где я регулярно расплачиваюсь ими, никто так и не заинтересовался причиной моего поведения. А ты не только молча мучилась, но и решила проследить за мной. Что говорит о твоём любопытстве и бесстрашии – двух важных качествах для детектива.

Я решила не рассказывать о том, как испугалась мозаики на лестнице.

– Так вы расплачиваетесь монетами только для того, чтобы вычислить потенциального работника? – разочарованно спросила я.

– Нет... для этого есть особая причина. Со временем ты все узнаешь... если поступишь к нам на работу.

– Значит, чтобы стать детективом, нужно быть любопытным и отважным? Почему бы не набирать работников на факультете журналистики?

– Потому что третье качество детектива – уметь держать язык за зубами. Работники не имеют права разглашать подробности дел, которые ведутся в нашем агентстве. Большинство людей не способны держать свою работу в стороне от всей остальной своей жизни.

– А почему вы решили, что я могу?

– Интуиция, – Цезарь сделал попытку улыбнуться. Вертикальная морщина на его правой щеке стала еще глубже. – Она меня почти никогда не подводит.

Я промолчала. Ситуация была такой странной, что было тяжело подобрать слова. Еще совсем недавно я искала работу, а теперь она нашла меня. И вместо скучной работы в магазине – работа в детективном агентстве. Я очень слабо представляла себе рутину детектива. Если соглашусь – узнаю. Даже чисто из любопытства. Когда еще получится попробовать такую редкую и необычную профессию? С гума-

нитарным образованием мне грозит работа в худшем случае секретарши, в лучшем – переводчика. А тут...

– Это работа с неполной занятостью, – продолжал искать Цезарь. – Ты сможешь учиться и работать в кафе дальше. Лишь когда появится дело, то придется найти для него достаточно времени. В основном наши совещания проходят вечерами, так удобнее для всех. Затем мы распределяем работу, выполняем задания, докладываем о том, что удалось узнать. Ты быстро ко всему привыкнешь. За каждое раскрытое дело выплачивается гонорар с подсчетом часов и вкладом в общую работу. В среднем на работника выходит...

И он назвал сумму, от которой мне сделалось нехорошо.

– Это какой-то обман? – попятилась я к двери.

– Я не предлагаю эти деньги просто так. Только за хорошо проделанную работу. И потом, агентству надо компенсировать непостоянную занятость работников.

Да даже если это будет одно дело в год... Я не могла поверить в такую удачу.

– Я согласна...

Цезарь кивнул, словно и не ждал другого ответа.

– Тогда приходи завтра, подпишем договор. Я рад, что ты согласилась, Настя.

Он проводил меня до выхода. Секретарша с любопытством глянула на нас.

– Анжелика, это Анастасия. Надеюсь, она не передумает и будет работать с нами.

Девушка аж подпрыгнула на стуле от радости, затем подскочила ко мне и расцеловала в обе щеки.

– Ой, я так рада! Зови меня Лика, я буду помогать тебе во всем. Новичкам всегда сложно...

– Анжелика, не пугай ее, – строго угомонил секретаршу Цезарь.

Я улыбнулась:

– Очень приятно, Лика.

Когда я попрощалась с Цезарем и Ликой и дверь агентства закрылась за моей спиной, я еще раз оглянулась и посмотрела на табличку. „Детективное агентство“... Как странно это все-таки. Необычно. Но раз уж я приехала в этот город, чтобы поменять многое в своей жизни и повзрослеть, то не нужно ничему удивляться. Надо пользоваться подарками судьбы. Браться за работу. Учиться. Надеяться на то, что город полюбит меня так же, как люблю его я.

Окрыленная надеждами, я выбежала из подъезда и помчалась на урок испанского».

На следующий день Настя поднималась по уже знакомой лестнице. Было еще светло, но портрет на втором лестничном пролете был все так же укрыт полумраком. Настя достала телефон и посветила на холст. На нем была изображена молодая и красивая дама, руки она держала сложенными, как Мона Лиза. Темный фон скрадывал белизну кожи и ярко-алую ткань платья вместо того, чтобы подчеркивать их.

Было ощущение, что дама растворялась во мраке, но по ее выражению лица было непонятно, что она по этому поводу испытывает, только в уголках губ то ли пряталась, то ли хотела появиться усмешка.

Теперь, когда все загадки лестницы были разгаданы, Настя более уверенно поднялась до двери в агентство, избегая взглядом Медузу Горгону, хоть ей и показалось, что выражение лица чудовища смягчилось.

Лица встретила ее в прихожей. На ней был серый деловой костюм, волосы аккуратно уложены в пучок, а очки в красивой темной оправе придавали ей еще больше строгости. Но она, вопреки своему строгому имиджу, излучала радость и дружелюбие.

– Как хорошо, что ты не передумала! Вот увидишь, у нас очень здорово! – она трясла руку Насти, целовала ее в щеки и одновременно подталкивала дальше в зал. Насте даже показалось, что ее слишком много, поэтому, увидев Цезаря, она вздохнула с облегчением.

– Проходи в кабинет, – кивнул он.

В течение часа Цезарь объяснял основные положения договора и особенно подробно – отдельные пункты, согласно которым Настя не имела права разглашать не только подробности работы, но даже рассказывать друзьям и родным про агентство.

– Этот пункт составлен для блага самих работников, – объяснил Цезарь. – Если вы упоминаете о детективном

агентстве, то вопросы вполне естественно появляются сами собой. Поначалу они кажутся безобидными, но людям всегда хочется подробностей, тем более о такой редкой профессии, как детектив.

– А действия, которые совершает детектив во время расследования, все ли они законны? – спросила Настя.

– Нет, не все, – после долгой паузы ответил Цезарь, глядя ей в глаза. – Иногда приходится забираться в чужие дома или узнавать информацию личного характера. Следить. И так далее. Но этим обычно занимаются профессионалы, поначалу никто не станет нагружать тебя этой работой, ты не готова, да и не захочешь, пока не поймешь специфику наших дел.

– И какая же специфика?

– Ты все со временем поймешь. К тому же... это неплохое упражнение для твоего внутреннего детектива. Мне еще придется позаниматься с тобой, ты должна разбираться в произведениях искусства, истории, литературе. Мы организуем культурные походы время от времени... Участие в них обязательно, это один из пунктов договора.

– Цезарь, вы же не занимаетесь кражей произведений искусств? – спросила Настя.

Цезарь откинулся в кресле и долго смотрел на нее, пока она не начала беспокойно ерзать на стуле.

– Нет. Настя, я не собираюсь тебя бросать в дело, не собираюсь вовлекать в нелегальные операции. Думай о том, что

поначалу ты будешь приходить сюда только учиться. Сначала культурная подготовка, а также пассивное участие в обсуждениях дел. Знакомство с коллегами. Я буду наблюдать за тем, как ты схватываешь, потом, возможно, тебе начнут давать простые задачки: сопровождать в качестве ассистента кого-либо из ребят, заниматься поиском информации. И только когда ты поймешь, чем мы занимаемся, ты включишься в работу команды. Ты можешь уйти в любой момент. Но я обещаю, тебе у нас понравится. И еще: учти, что законы написаны для общей массы. Есть люди, которые из нее выбиваются своими отрицательными или положительными действиями. Мы – те, кто на положительном полюсе. И мы работаем для того, чтобы те, кто на отрицательном, не могли нанести вред общей массе. Сейчас это звучит запутанно. Но повторяю: со временем ты все поймешь.

– Почему нельзя сразу все объяснить?

– Потому что это невозможно принять сразу. Необходимо время, чтобы это уложилось в голове.

Настя вышла из агентства со странным ощущением, что подписала договор, в котором так ничего и не поняла. Это было вязкое ощущение необычного спокойствия, несмотря на массу сомнений. И еще поверх всего этого, словно слой карамели, липкое чувство опасности. Оно появлялось у нее на улице. Дома с ребятами, на занятиях, в кафе или в агентстве это ощущение уходило, но едва она выходила из поме-

щения на улицу, оно, словно туман, обволакивало ее душу. Когда появилось это чувство – она сказать не могла. Возможно, на нее так сильно повлияла попытка кражи кошелька. Из расслабленной туристки она тут же превратилась в озабоченную и напуганную реальностью девушку. Честно говоря, новости, которые Мартин смотрел по утрам в гостиной, пока Юка и Настя шептались за чашкой чая, не давали возможности делать оптимистичные прогнозы. Люди теряли работу, отчаивались, уровень преступности и количество происшествий росли. Иногда, посмотревшись на печальные кадры из очередной хроники, Настя думала о том, что ей чертовски повезло. Пусть за работу в кафе она получала немного, но ведь она приехала сюда совсем без работы, а благодаря этой подработке могла позволить себе, если накопить, даже съездить на два дня во Францию и посмотреть Лувр. А теперь, если работа в агентстве оправдает ее надежды, она сможет даже не просить поддержки родителей.

Из дневника Насти:

«Похоже, в Барселону пришла зима. На улице холодно, все жалуется на внезапное похолодание, не свойственное октябрю. И смотрят на меня осуждающе, будто я им его привезла. В квартире ужасно холодно. В ванной, слава богу, есть обогреватель, который мы включаем утром и вечером, после ванны каждый бежит в свою комнату и забирается в постель, чтобы согреться. Кошмар какой-то... неужели так всю зиму страдать? Тоскую по теплой квартире в Москве, когда вижу

маму по скайпу, бодро разгуливающую по дому в майке, мне еще холоднее и тоскливей делается. На учебе пошла сложная грамматика, очень тяжело, да еще заставляют писать каждую неделю сочинения, дали книгу читать на месяц, задают много упражнений. А тут еще Цезарь составил плотный график занятий. Голова пухнет от истории испанской скульптуры и художников итальянского Возрождения. Не понимаю, как это может помочь делу.

Я еще не видела ни одного агента, кстати. Такое ощущение, что днем в агентстве только Лика и Цезарь, иногда из других кабинетов раздаются звуки или голоса, но никто не появляется. Цезарь говорит, что скоро. Ладно, пока что воспринимаю все это как бесплатный курс по искусству. Лика очень милая, всегда норовит угостить меня чем-нибудь, она все время ест сладкое, сосет карамельки или кушает сло-бу. И при этом тоненькая и хрупкая, как тростинка. А Цезарь непроницаемый, никак не могу понять, есть ли у него хоть какие-нибудь эмоции.

Скоро Рождество и Новый год. Мартин предложил устроить вечеринку у нас дома. Будет весело! Он очень классный парень, общительный, активный, постоянно нас с Юкой куда-то тащит, то на джазовый концерт, то на экскурсию. Юка, кажется, немного в него влюблена. Да и мне он очень нравится. Есть еще один парень, Валерио, итальянец, который пришел к нам на курс только сейчас. Вроде как у него не было

возможности быть с нами с самого начала. Он подсел ко мне сразу, как только вошел, потому что Захария, девушка, которая со мной обычно сидит, еще не пришла. Она была недовольна, когда увидела, что ее место занято. Но ничего не сказала. Валерио сразу стал знакомиться, расспрашивать и интересоваться, пригласил попить кофе как-нибудь после занятий, даже слишком навязчиво предлагал. Но мне сейчас не хочется пить кофе, тем более поздно вечером. Не могу пить другой кофе, который не у нас в кафе сделан. Совсем не тот вкус. Я понимаю, конечно, что кофе – это предлог, но пока что не хочется встречаться. Сама не пойму, почему. Он и симпатичный, и очень веселый, и вежливый, но пока что моя голова забита совсем другим. Может, на следующей неделе...

Сегодня, поднимаясь по лестнице в агентство, я заметила, что Медуза Горгона теперь довольно приветливо улыбается. Хорошо, что они поменяли мозаику, а то та была уж очень страшной. Хотя зачем выбирать снова именно это мифическое создание? Но мои размышления были прерваны, когда Цезарь открыл дверь. Он был одет странно: в джинсах и теплом свитере, а на ногах у него были мягкие тапочки с мордами разъяренных медведей. Я перевела взгляд с рассерженных медведей на серьезное лицо Цезаря. Потом обратно на медведей. Мне все больше и больше казалось, что внутри агентства реальность уходит из-под ног. Рыбки

над головой только подтверждали эту мысль.

– Проходи, Настя, вот твои тапочки, – Цезарь указал на такие же мягкие тапочки, только вместо медведей там красовались улыбающиеся лягушата. Я решила ни о чем не спрашивать, переобулась и пошла за Цезарем по коридору. На этот раз мы подошли к последней двери, Цезарь открыл ее и пригласил меня внутрь.

Я шагнула в темноту, но тут же вспыхнул яркий свет, хлопнули хлопушки, и на меня посыпалась яркое и разноцветное конфетти.

Четверо ребят, среди которых я увидела Лику, заорали:
– Добро пожаловать!!!

Я засмеялась. Лика, всегда одетая по-деловому, сегодня была в джинсах и футболке и кардигане, а на ногах у нее красовались тапочки со змейками.

– Итсаску, – представилась высокая брюнетка с ослепительно белой кожей и слегка коснулась моих щек своими прохладными щеками. Ее прямые длинные волосы единой блестящей массой качнулись с одного плеча на другое. – Я занимаюсь информатикой и всем, что связано с компьютерами и Интернетом.

– Наш хакер, – подмигнула ей Лика. Итсаску никак не прореагировала. На ногах у нее улыбались пушистые котята.

– Серж, – представился невысокий коренастый парень в очках и поцеловал меня в обе щеки, – биолог и химик.

– Если что-нибудь взрывается – это его рук дело, – пояснила Лика. – Мне частенько приходится убирать результаты его опытов.

На ногах Сержа красовались черные бычки с кольцами в носках.

Последний парень был высоким и худощавым, он созерцал эту сцену знакомства немного отстраненно, но, когда его товарищи отошли от меня, решительно шагнул вперед.

Смуглый, с огромными зелеными глазами и пухлыми губами, он, казалось, был потомком африканских народов, но далеким, так что от них остались только намеки, хоть и довольно ясные, но сглаженные чертами белой расы, которой не удалось стереть с его лица налет восточной вдумчивости. Он смотрел на тебя, а казалось, что он один во всем мире и смотрит в пустыню, спокойно воспринимая ее такой, какая она есть. Со всеми ее барханами, передвигающимися дюнами, с непостоянством песка и капризами ветра. И все-таки он смотрел на меня, чернота зрачков скрывала его эмоции, и мне подумалось, что мои чувства и эмоции ему открыты, что он может дотронуться до них и настроить меня, как инструмент, на тот лад, на который хочется ему. Но тут я опустила глаза вниз, увидела на его ногах енотов и засмеялась. И внезапно поняла, что мы довольно долго пребывали в тишине, словно все остальные, замерев, наблюдали за нами, как с другого света. Или это только показалось, и посмот-

рели мы друг на друга всего секунду, мельком? Тут он выпустил мои руки из своих. И я со страхом поняла, что не помню, когда он взял меня за руки.

– Как, ты сказал, тебя зовут? – спросила я.

– А ты не знаешь? – хитро улыбнулся он.

Я уже хотела сказать ему, что нет, конечно. Но в этот момент поняла, что знаю! Почему-то его могли звать только так и никак иначе.

– Диего.

Имя прозвучало. Он едва заметно кивнул и посмотрел на остальных.

– Ну что, сядем?

Я огляделась. На полу лежал пушистый ковер, на нем плоский мягкий матрас, придвинутый к стене. На нем была раскидана куча подушек и одеял, возле матраса стоял низкий круглый стол с печеньем, фруктами, термочашками с рисунками животных, которым соответствовали тапочки на наших ногах. На стене напротив находился огромный экран. Под потолком крепился прожектор, а у Итсаску имелся маленький ноутбук, с которого она управляла экраном.

Когда все уселись, Цезарь сказал:

– Давайте сделаем небольшую презентацию дела для Насти. Это поможет нам самим подвести итоги того, что сделано, и того, что нужно будет сделать.

– Главный передал нам следующее дело... – начал Диего.

– Главный? – переспросила я.

– Да. Старик, – тут парень смутился. – Ну...

– Это наш начальник, – объяснил Цезарь. – Ему принадлежит несколько таких агентств по всему миру. Он... миллионер, ты увидишь, что заказчики в основном – очень состоятельные люди. Продолжай, Диего.

– У коллекционера живописи украли три картины. Камеры наблюдения, меры безопасности, хитроумная система охраны – ничто не остановило преступника. Или преступников. На камере просто видно, как картина была и исчезла. Возможно, поработали с записью.

– Запись проверена, – вставила Итсаску. – Я не вижу там никаких манипуляций.

– Проверь еще раз... – Цезарь вдруг резко выпрямился. – А еще лучше... дай нам ее сейчас посмотреть снова.

Мне показалось, или все словно дыхание затаили, пока Итсаску искала в папках ноутбука видео? Медленно включился большой экран. Мышка резво бегала по нему, открывая папки и программы. Наконец Итсаску загрузила нужное видео. На черно-белом экране была видна картинная галерея. В полумраке было не разглядеть, что именно изображено на картинах, но на той, что была ближе к камере, по светлым очертаниям угадывалось тело обнаженной женщины. Мы все напряженно вглядывались в неменяющуюся картинку. Только цифры, указывающие время, в правом нижнем углу камеры менялись: бежали секунды и минуты.

– Вот сейчас, – прошептал Диего.

Картина с женщиной дрогнула, словно колыхнулась от сильного ветра. И исчезла. Тут же включилась сигнализация. Но картины уже не было на стене.

– Я уверен, что что-то сделали с записью, – откидываясь на подушки, сказал Цезарь.

– Насть, ты что-нибудь заметила? – спросила Лика.

Все смотрели на меня с интересом.

– Ничего особенного... – пожала плечами я.

– Тебе потом дадут еще раз ее просмотреть, – быстро отдал распоряжения Цезарь, Лика записывала. – Итсаску, проверь еще раз запись, свяжись со специалистами. Необходимо быть уверенными, что это не махинация с видео.

– Конечно, – Итсаску перекинула волну своих темных волос с одного плеча на другое. Похоже, она была недовольна тем, что Цезарь не поверил ее заключению по записи. Присмотревшись к Итсаску, я заметила, что она была одета весьма необычно: в корсет с металлическими вставками и деталями, похожими на замысловатые крючки. На руке красовался перстень в виде шестеренки из часов.

– Что еще? Диего?

– Я проверил хозяина галереи. Он действительно расстроен из-за случившегося грабежа. Украдены самые ценные его картины. У него не было долгов, его не шантажировали, он чист. Эта версия отпадает.

– Члены семьи? – спросил Цезарь.

– Проверены еще не все. У сына есть долги, но он живет

в Бразилии.

– Свяжись с детективным агентством в Буэнос-Айресе, с Филипе, пусть съездит в Бразилию и узнает, что там с сыном. Ты мне нужен здесь. Что еще?

– Система охраны, – вставил Серж. – Я занимаюсь анализом возможных дыр, но пока что кажется, что все было очень продумано, хозяин вложил в это целое состояние...

– Что по поводу ценности картин и их возможной стоимости? – Цезарь обратился к Лике.

– Картины были приобретены в разное время и на разных аукционах. Связи с предыдущими владельцами я не нашла, – ответила Лика. – Картины имеют ценность, но особого внимания публики не привлекали. В галерею открыт доступ по предварительной договоренности. Иногда организуются групповые посещения, например, студентов художественных факультетов. В целом, мы можем собрать список посетителей за последний год, сейчас над этим работает персонал галереи. Никто не предлагал владельцу купить у него картины. Сам он оценивает пропажу в несколько миллионов. Но эта оценка может быть завышенной, чтобы получить большие страховые выплаты.

Я слушала их и думала, что работа, оказывается, не такая интригующая, как казалось поначалу. Скрупулезный анализ фактов, поиск взаимосвязей, проверка каждого предположения... все это сильно напоминало нелюбимую мной математику: „дано“, „теорема“, „доказательство“, „решение“...

И тем больше росло во мне сомнение в собственных силах. Зачем я им нужна? Они такая сплоченная команда, видно, что знают друг друга не один год, по тому, как Диего отрезал себе кусочек от пирожного и отдал Итсаску веточку красной смородины с россыпью ягод, видимо, знает, что ей нравится. Она машинально взяла, словно само собой разумеется, а значит, они так делают часто. По тому, как Лица, наполняя кружку Цезаря, добавила ему три кусочка сахара, а Сержу капнула меду, было очевидно, что их вкусы она тоже давно знает. По отдельным вкраплениям в разговоре о картинах. По тому, как все словно чуть в стороне от меня. Несмотря на усилия Лики нас объединить тапочками и чашками, я все равно здесь чужая.

Диего двигался рядом со мной, но каждый из нас думал о чем-то своем. Поначалу мы болтали, я рассказывала ему о себе, а он о том, как впервые приехал в Барселону. А потом город потихоньку ублажал нас, и мы погрузились в прогулочную дрему, наблюдение за прохожими, яркими огнями витрин, толпами замерзающих туристов. При виде парней в шортах я поежилась от холода. Днем на солнце было тепло, но едва оно уходило, резко становилось холодно. Солнце в Барселоне осенью и зимой обманчиво. Я шла и думала: как Диего узнал, что нам по дороге, если не спрашивал меня, где я живу? Сказала ли ему мой адрес Лица? Или ему просто все равно, куда идти?

Голова гудела от полученного объема информации и заданий. Мне предстояло заняться вплотную творчеством художников и выяснить истории картин. Искать зацепки в далеком прошлом. На мой взгляд, это было лишним. Просто меня нужно было чем-то занять. У других задания были более интересными и сложными. Я даже и не представляла, что это такая тяжелая работа. Мне казалась невыполнимой половина заданий. Невольно я приуныла, понимая, что не обладаю способностями Итсаску и Сержа, что, скорее всего, долго в этом агентстве не продержусь. На одном любопытстве в расследовании дел далеко не уедешь.

Мы уже сворачивали на мою улицу, когда в сумерках от стены отделилась высокая фигура. Диего резко ухватил меня за рукав куртки и рывком поставил позади себя.

– Ты с ума сошел? – прошипела я, обозлившись на него из-за своего испуга.

– Так вот почему ты не хочешь пить со мной кофе, – фигура оказалась всего лишь итальянцем Валерио. Ухмыльнувшись, он засунул руки в карманы джинсов и смерил Диего надменным взглядом.

От удивления, что он нашел меня, от всего идиотизма ситуации я молча созерцала его. Диего был так напряжен, будто собрался меня защищать от однокурсника. Когда я открыла рот, чтобы ответить, раздался голос Диего.

– Иди своей дорогой, тварь. Нечего тебе тут ловить.

Я сделала движение, чтобы выйти из-за спины Диего,

но он удержал меня. Что за глупости!

– Валерио, – начала я примирительным тоном. – Да выпью я с тобой этот кофе, хочешь, завтра в одиннадцать утра?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.